



ПОЛИТИКА В СЕТИ POLITICS ONLINE

DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-417-429

EDN: JFKCLB

Научная статья / Research article

Трансверсальность сетевых коммуникаций и выбор стратегии поведения: концептуальное измерение

Л.В. Сморгун 

Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, *Санкт-Петербург, Российская Федерация*

✉ lvsmorgunov@gmail.com

Аннотация. В центре внимания современных исследований — особенности сетевой коммуникации и ее признаки, обеспечивающие трансверсальность коммуникационного взаимодействия. Подчеркивается значение двух возникающих в процессе сетевой коммуникации феноменов — индивидуации и сетевой солидарности. Последние формируются в пространстве таких характеристик общественного пространства коммуникации, как сотрудничество, инструментальность, принадлежность, визуализация, персонификация, стимулирование и др. Особое внимание уделено трансверсальности сетевой коммуникации, основанной на политике пересечения различий. Трансверсальность сетевой коммуникации выражается в динамике контекстуальности коммуникационных процессов, их многомерности, манипулятивной множественности, критической открытости, самореферентности, коммуникационной прагматике и институциональной открытости. Все это создает условия для изменения моделей выбора стратегий поведения. В противоположность теории публичного выбора трансверсальность коммуникации ориентирует принципы стратегического выбора на предосторожность, воздействия на эффекты, а не причины, управление доверием на основе сотрудничества и ориентации на раскрытие потенциалов взаимодействия.

Ключевые слова: социальные сети, сетевая коммуникация, индивидуация, сетевое сообщество, трансверсальность, трансверсальная политика, трансдукция, стратегия выбора, логика связанного действия

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сморгун Л.В., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Сморгунов Л.В. Трансверсальность сетевых коммуникаций и выбор стратегии поведения: концептуальное измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 417–429. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-417-429>

Transversality of Network Communications and the Choice of Behavior Strategy: Conceptual Dimension

Leonid V. Smorgunov 

Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology of the RAS, *St Petersburg, Russian Federation*

✉ lvsmorgunov@gmail.com

Abstract. The academic discourse examines how the specific features and attributes of network communication facilitate transversality in interactive exchanges. Scholars particularly emphasize two key phenomena emerging from networked communication: individuation (the personalization of participation) and network solidarity (collective identity formation). These dual phenomena develop within a communicative space characterized by cooperation, instrumental functionality, shared belonging, visual representation, personalization, and motivational stimulation. A central focus lies in how network communication achieves transversality through what we might term a “politics of difference” — the strategic intersection of diverse perspectives. This transversality manifests through several dynamic qualities: the contextual fluidity of communication processes, their inherent multidimensionality, the strategic adaptability of messages, critical receptiveness to opposing views, self-referential meaning-making, pragmatic interaction patterns, and permeability to institutional influences. Together, these characteristics fundamentally reshape behavioral strategy selection models. Where traditional public choice theory operates on causal logic, communicative transversality shifts strategic priorities toward: precautionary approaches (focusing on effects rather than root causes), trust-building through cooperation, and maximizing latent interaction potential.

Keywords: social network, network communication, individuation, network community, transversality, transversal politics, transduction, choice strategy, logic of connective action

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Smorgunov, L.V. (2025). Transversality of network communications and choice of behavior strategy: Conceptual dimension. *RUDN Journal of Political Science*, 27(3), 417–429. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2025-27-3-417-429>

Введение

В современных условиях, когда сетевое пространство активно используется человеком как источник информации и коммуникации, взаимодействие онлайн выступает мощным средством формирования политических ценностей и идентичностей, влияющих на политическое позиционирование и деятельность. В процессе сетевого взаимодействия проявляются механизмы управляемой и неуправляемой убеждающей коммуникации. Важным свойством

такого взаимодействия выступает *политика трансверсальности, т.е. стратегия взаимосогласования и взаимопересечения социальных, культурных, поколенческих, территориальных и других различий*. Трансверсальность можно рассмотреть в двух связанных смыслах. Первый — модель медиапотребления (переход от монологических моделей СМИ к приложениям или новостным ресурсам (агрегаторам), организованным по принципам фрактализации (ТикТок) или потоков с возможностью быстрого подключения / переключения (телеграм-каналы, подкасты). Второй — модель групп (виртуальных площадок, локальных медиа) организованных как коллаборативные проекты (с точки зрения финансирования, редакционной политики). Для данных сообществ трансверсальное (горизонтальное) взаимодействие является самоценным, они действуют в миноритарной логике и зачастую не стремятся выходить на широкую аудиторию. Поэтому научно значимым является анализ подобных площадок, локальных коллаборативных медиа и телеграм-каналов как сетевых дизайнов коммуникационного действия с соотношением управляемых и неуправляемых механизмов. Важным является поиск такого сетевого механизма коммуникации, который был бы направлен на формирование общегражданской идентичности в условиях трансверсальной политики пересечения различий в социальных сетях.

Сетевая коммуникация как пространство индивидуации

Современные коммуникации становятся центральным фактором, определяющим не только наше отношение к миру, но часто рассматриваются в аспекте пространства формирования мира. Опосредованные влиянием цифровых технологий, коммуникационные потоки становятся соизмеримыми с потоками самой жизни в рамках сложных ассамбляжей человеческих и нечеловеческих агентов. В этом отношении коммуникация распространяется на многосоставное сетевое общество своеобразно, пытаясь интегрировать разрозненные части в нечто одновременно устойчивое и динамичное, разнообразное и объединенное, конфликтное и кооперативное. Определенным ответом на сетевую самоорганизацию выступило концептуальное движение за трансверсальную политику солидарности, в которой коммуникационный компонент выходит на первый план [Semetsky 2008; Jung 2009; Kanngieser 2012].

Пользовательские сети последнего поколения на основе связанных данных и консолидированного контента позволяют изменить процесс коммуникации в направлении потокового вещания и прямых трансляций. Важным выступает то, что в процессе сетевого участия все более выявленным становится значение индивидуации, когда сети накапливают в своем пространстве потенциальную энергию коллектива, готовую к действию под влиянием индивидуальной атаки. Здесь начинает проявляться та идея Жильбера Симондона, которая связывает процессы индивидуации и формирования коллектива посредством трансдукции в пространство индивидуализирующихся коллективов. То, к чему предназначен развивающийся индивид, составляет его сущее в коллективе.

Коллектив — не коллективистское обобщение индивидов посредством индукции, а результат размыкания (трансдукции) индивидуации в «соответствии с коллективом». «Коллектив» — не субстанция или форма, предшествующая индивидулируемому сущим, которая могла бы их сдерживать, проникать в них или обуславливать их: коллектив — это коммуникация, охватывающая и разрешающая индивидуальные диспаратности в форме присутствия и являющаяся синергией действия, совпадением будущего и прошлого в форме внутреннего резонанса коллектива» [Симондон 2022: 374].

Изначально трансдукция приходит из биологии и генетики как процесс переноса ДНК между клетками при помощи вирусов, однако в дальнейшем она понимается как любой процесс переноса кибернетической информации между элементами системы посредством закодированных сигналов. При анализе сетей, в том числе социальных, трансдукция означает перенос аналогичных информационно-коммуникационных сигналов по связям между узлами, или вершинами. Трансдуктивные переходы также используются в машинном обучении в концепции преобразования графов. Иногда трансдукцию понимают не просто как процесс переноса информации, а как процесс преобразования контекста и элемента при перенесенной информации. Трансдукция носит процессуальный характер. С ее помощью можно охарактеризовать переходы из одного состояния в другое. Ж. Симондон рассматривает это явление на примере перехода жидкостей из жидкого в твердое или парообразное состояние. Мы рассматриваем трансдуктивные переходы применительно к работе с информацией, так как именно она определяет степень индивидуальности, а индивид характеризует способность сохранять или увеличивать информационное содержание [Симондон 2022: 326, 328].

В ходе исследования выделяются шесть режимов информации:

- 1) режим функциональной автономии индивида вырабатывать и распространять информацию;
- 2) режим центрирования информации, посредством которого индивид управляет информацией, модулирует среду ее распространения и определяет индивидуацию;
- 3) режим изменения формы информации, ее перехода от звучания к тексту, от текстов к визуализации, от одной формы к интеграции форм: так, например, переход этого рода предполагает изменение формы текстовой коммуникации (от печатного текста к заглавным буквам и визуализации) в результате нагнетания эмоциональной напряженности в ходе дискуссии и использования затравки;
- 4) режим тематического наслаивания информации, когда, например, происходит изменение темы и смысла коммуникации внутри одной дискуссии на основании предполагаемых связей между старой и новой темами, возникающих в воображении комментатора (пользователя);
- 5) режим центростремительной информации, определяющий движение коммуникационных потоков к индивиду, потребление и переработку им информационных сигналов, их индивидуальное принятие;

- б) режим центробежной информации, ее рассеивание и распределение в сети. Трансдуктивные переходы являются важными механизмами в формировании структурных связей в социальных сетях в ходе формирования и использования различных информационных режимов. Именно такие переходы как процедуры трансдукции в режимах информации составляют сигнификацию и смысл индивидуации в социальных сетях.

В этом отношении современный этап коммуникации становится трансстабилизационным, предполагающим состояние, наполненное потенциалом новых образований в процессе движения индивидуации к солидарным коллективам. В определенном смысле такие сети противостоят машинизации, о которой мечтают представители идеи семантической паутины, способной на основе вычисления представлять определенный логический вывод. Уже сегодня сетевая коммуникация — это не столько процесс, направляемый машинно-читаемыми элементами, сколько открытая система трансгуманистического проекта, в котором индивид остается центральным звеном управления потоками информации посредством научения тому, как взаимодействовать в человеко-машинном ассамбляже с другими людьми. Как писал Корнелиус Касториадис, «создание учреждающего общества как установленного общества есть каждый раз общий мир — *kosmos koinos*: полагание индивидов, их типов, отношений и деятельности; но также и постулирование вещей, их типов, отношений и значений — все это каждый раз попадает в сосуды и системы отсчета, установленные как общие, которые заставляют их существовать вместе» [Castoriadis 1998: 370].

Следует подчеркнуть, что сетевая коммуникация возникает не просто вокруг определенных тем или ценностей, которые интересны многим или исповедуются многими. Она возникает в сетевом пространстве, которое создает условия и формирует потенциал для коммуникации в действии, т.е. является со-общественным местом для нее. Такое совместное место-пространство коммуникации обладает возможностью объединять различия без тоталитаризации [Eriksson 2005: 309]. Отсюда социальные сети создают общественное пространство коммуникации.

Сообщественное пространство коммуникации

Сегодня сетевизация составляет существенную характеристику общества, не только связывая акторов и меняя характер отношений между ними, но и создавая другое пространство осуществления жизненных целей. Формирующиеся коллективы создают общественное пространство коммуникации для умножающихся социальных проектов [Михайленок, Назаренко 2020]. В этом отношении их жизнедеятельность опирается на новые формы кооперации, определяемые многообразием сетевой организации взаимодействий. На этой основе возникает эффективное и активное сотрудничество людей в политике, которое должно быть признано и поддержано. И наконец, преимущество плюральных демократических сетей как пространств для экспериментов и обновлений может быть объединено с локальной жизнью и научением так, чтобы

местные традиции были лучше поняты и включены в действие, но не как ретроспективные практики, а в качестве инструмента поиска продвижения вперед. Политическая принадлежность выступает новым словом для политического позиционирования, а точнее, фиксирует современный характер определения человеком себя как политического существа [Hall 2013]. Сегодня нет необходимости в тотальном тождестве с коллективом, принадлежность к роду-племени фиксируется практикой политического действия вместе с другими членами коммуны, не подверженными исключению. Политическая принадлежность в сетевом обществе вообще не знает исключений [Christensen 2005: 553–554].

Сети интенсифицируют рост нового коммуникационного знания за счет интенсивного обмена, деконцентрации и смешивания информационных потоков. В сетях происходит интенсивное взаимодействие ее участников, позволяющее каждому из них наблюдать иную качественную практику общения на основе открытости границ коммуникации. В этом отношении сети способствуют прямой передаче этого опыта и выполняют важную функцию демонстрационного эффекта распространения сетевой коммуникации. Сети возникают, как правило, вокруг инновативных центров коммуникации. Такой центр обеспечивает жизненный цикл сетевой организации, а значит, и возможность распространения коммуникационных нововведений. Сети по своей структуре подвижны и обеспечивают свободный поток информации и знания за счет различных структур коммуникации — вертикальных, латеральных, трансверсальных. Именно последние обеспечивают свободу коммуникации и дают возможность для соединения различных потоков знания, что повышает вероятность возникновения коммуникационных потенциалов. Возникающая ситуация множественности интерпретируется здесь как возможность *трансверсальной коммуникации*, которая создает пространство взаимодействий, лишённое прежних (капиталистических, либеральных, колониальных) практик дисциплинирования, доминирования, вытеснения и маргинализации. «С этой точки зрения понятия солидарности как универсализма или солидарности, основанные на сходстве, являются проблематичными. Актуальность трансверсальной политики заключается в охвате различий посредством равенства» [Agustín, Bak 2021: 859].

Основные признаки сетевой коммуникации:

1. Визуализация (базируется на кризисе репрезентации, когда визуальный знак отрывается от того, что он представляет, и начинает жить своей жизнью; множество знаков, подверженных различной интерпретации). Что такое знак? Это — реальность, представленная в отношении между коммуникантами.
2. Персонификация (базируется на кризисе идентичности; представляет собой процесс протоиндивидуации, по мысли Симондона).
3. Коммуникационное стимулирование (вовлечение в сетевую коммуникацию как процесс виртуальной реальности мира).
4. Трансграничность (представляющая собой кризис локальной привязки коммуникации и нарушения суверенитета места).

5. Гипертекстуальность (взаимосвязанность множества текстов, разрушающих господствующие нарративы).

Результат развития сетевой коммуникации выражается в нарушении линейного принципа коммуникационного процесса, предполагающего кибернетический принцип передачи сигналов для организации взаимодействия от источника к получателю; переносе политического в коммуникационную сферу, часто сопровождающуюся аффективной поляризацией [Стукал, Ахременко, Петров 2022] и информационными (гибридными) войнами; потере оснований для доказательной коммуникации посредством твердого обоснования (реальность, факты, логика, научное доказательство).

Можно ли считать это развитие процессом дестабилизации порядка коммуникации и надеяться на новый порядок, основанный на прежних правилах (открытость, делиберативность, репрезентации, медиация, значение и объективность)? Не является ли современный этап коммуникации трансстабилизационным, предполагающим состояние, наполненное потенциалом новых становлений в процессе движения индивидуации к новым коллективам, основной чертой которых выступает множественность различий?

Трансверсальность сетевой коммуникации

Возникшая ситуация множественности интерпретируется как возможность трансверсальной коммуникации. Феликс Гваттари впервые предложил данный термин в 1960-е гг. и дальше развивал его в направлении постмодернистской стратегии преодоления различий. В 1990-е гг. феминистское движение в Италии стало использовать понятие «пересечение различий», которое Нира Юваль-Дэвис стала использовать как «трансверсальная политика» в своей книге «Гендер и нация», опубликованной в 1997 г. Можно отметить несколько характеристик трансверсальной политики вообще: трансверсальность не равна политике преодоления различий; последние признаются, если они не мешают равенству; трансверсальность признает границы и различия, но борется с угнетением в пределах границ вместе с угнетенными (а не на их благо); трансверсальность пронизывает границы, устанавливая не угнетаемые и не отчуждаемые соотношения различий; трансверсальная политика — это политика больших и малых групп, основанная на солидарных действиях; трансверсальная политика — воинственная политика активности групп, стремящихся к равенству положения различного. При этом трансверсальная политика основана на ряде предпосылок [Yuval-Davis 2011: 12]. Во-первых, эпистемология точки зрения, которая признает, что при каждом позиционировании мир видится по-разному и, таким образом, любое знание, основанное только на одном позиционировании, является «незавершенным» — что не то же самое, что сказать, что оно «недействительно». В этой эпистемологии единственный способ приблизиться к «истине» — это диалог между людьми разного позиционирования. Во-вторых, важной концепцией трансверсальной политики является охват различия равенством. Это означает признание, с одной стороны, важности

различий, а с другой стороны, того, что понятия различия должны охватывать, а не заменять понятия равенства. Такие представления о различиях не являются иерархическими. Они предполагают априорное уважение к позициям других, что включает в себя признание их отличительной социальной, экономической и политической власти.

В-третьих, трансверсальная политика основана на концептуальной — и политической — дифференциации между позиционированием, идентичностью и ценностями. Люди, которые идентифицируют себя как принадлежащие к одному и тому же коллективу или категории, могут иметь очень разное положение по отношению к целому ряду социальных разделений (например, классу, полу, способностям, сексуальности, этапу жизненного цикла и т. д.). В то же время люди со схожим позиционированием и/или идентичностью могут иметь очень разные социальные и политические ценности. Суть трансверсальной политики сводится к объединению взаимно пересекающихся различий на основе равенства без подавления.

В этом смысле трансверсальная коммуникация характеризуется рядом характерных условий современной конструкции взаимодействия. Прежде всего следует отметить *контекстуальность* современных коммуникационных процессов, которая динамична и порождает необходимость в постоянной мобильности содержания и формы его выражения, т.е. смыслы, значения и обоснования возникают и утверждаются в изменяющихся контекстах, они подвижны и привязаны к ним. «Поэтому, — как справедливо подчеркивается исследователями, — практика дискурсивной коммуникации не ограничивается поиском научно обоснованного, объективно доказуемого способа мышления, присущего тому или иному сообществу, она непременно принимает во внимание контекст отношений и жизненные миры, ускользающие из внимания научной объективизации» [Алексеева, Верховская 2023: 805–806]. Важным фактором выступает *многомерность* коммуникации, которая предполагает различные области, сферы, уровни, темы, последовательность событий. Рядом в коммуникативном пространстве существуют информационные потоки, описывающие на первый взгляд значимые и незначимые факты, интерпретация которых в едином потоке создает созвучие и резонанс.

Манипулятивная множественность, т.е. изменение позиций, мнений, суждений и верований на основе турбулентной текучести, детерриториализации положений, создает возможность встраивания измененных верований и убеждений в стратегию поиска новых обоснований и построения единства картины мира. Проникновение официальной пропаганды в современное коммуникационное пространство породило феномен политической корректности. В этом отношении трансверсальная коммуникация противостоит последней посредством формирования условий *критической открытости*, основанной на принятии содержательных различий и поиске убежденности на основе множественности, а не тотальности. Как писал Джеймс Боман, «пространство, открытое коммуникации посредством компьютера, поддерживает новый сорт распределительной, а не унифицированной публичной

сферы с новыми формами взаимодействия. Под распределительной [формой] я подразумеваю то, что компьютерное средство в виде Интернета децентрализует публичную сферу; она становится множественным обществом, а не отчетливо унифицированной и всеохватной публичной сферой, в которой участвуют все собеседники» [Bohman 2004: 153]. Таким образом, *самореферентность* как способность участников коммуникации обосновывать суждения ссылками на собственный опыт и соотносить мир с внутренним убеждением обеспечивается возможностью многообразного сравнения с опытом равных других.

Хотя *голографический принцип*, говорящий о том, что мир, состоящий из процессов и событий, можно воспринимать только через представление, часто противопоставляется прагматическому повороту в когнитивной науке, утверждающей, что познание есть практика, тем не менее он может быть вписан в трансверсальную характеристику коммуникации, если понимать последнюю не как подготовку к прагматике действия, а в качестве самого практического действия. В этом смысле мир как отношение, представленное в информации, можно трактовать с антропологической позиции, когда объективность является лишь информационным условием отношения к миру, а не характеристикой мира. И наконец, *институциональная открытость* выступает условием трансверсальной политики коммуникации, когда правила общения вырабатываются в его процессе. Стив Фуллер справедливо указывал, что в таком неопределенном обществе «вам всегда придется получать еще один шанс, чтобы сыграть в игру, правила которой всегда могут быть оспорены» [Фуллер 2021: 336]. Здесь и возникает вопрос о стратегиях поведения человека в новой сетевой коллективности.

Какова же стратегия поведения в условиях сетевой трансверсальности?

Теория рационального выбора стратегии поведения основывалась на принципах индивидуализма, рациональности и оптимальности. Наличие информации считалось основным условием выбора стратегии взаимодействия, которое, например, в дилемме «заключенного» выражалось либо в сотрудничестве, либо в конфликте. Стратегия «наджинга» строилась на стремлении заставить оппонента действовать в нужном направлении с использованием механизма рационального прогноза на основе обратной индукции. Принципы стратегического выбора в трансверсальных сетях коммуникации строятся на условиях возможности формирования трансверсального сообщества, которое действует на основе принципа предосторожности, а не отказа (см. подробнее: [Latour 2005: 128–129]). Часто непредвиденные обстоятельства (контингентность) рассматриваются в качестве условий, ставящих под удар управляемость и сетевую ее организацию. Отсюда следовал принцип воздержания от действия, сопряженного с риском и неясными последствиями. Однако этот подход является выражением прежнего взгляда на управление по принципу причина — следствие, предоставляемого

наукой. В этом отношении план работы по преодолению этих обстоятельств является неотъемлемой частью управления сетью и ее безопасностью. Здесь управление полностью полагается на принцип предосторожности, который противопоставляется принципу воздержания.

В противоположность линейной направленности предыдущей системы управления, когда в центре стояли процессы принятия решений как способов реагирования на возникающие причинные зависимости, современная система сетевого действия ориентируется скорее на управление эффектами, которые возникают под влиянием непредвиденных обстоятельств [Сморгунов 2021]. В сложном обществе невозможно установить причинную последовательность происходящего из-за большого числа возникающих связей и взаимных влияний. Но можно определить сами связи и отношения и попытаться отрегулировать их возможные эффекты. В этом отношении цифровизация является как базой для возникновения связей и отношений, так и возможностью их устройства и регулирования.

Важным выступает также управление доверием, а не дисциплинирование. В современном сетевом обществе взаимодействие опирается на взаимное принятие условий открытой и доверительной коммуникации. Следовательно, проблемой является не встраивание дисциплинарных норм в процесс коммуникации, а формирование доверительного пространства взаимодействия, когда нормы являются результатом коммуникации. Управление доверием здесь означает создание условий, надежно обеспечивающих взаимодействие людей на основе доверия друг к другу. Особенно важно это в ситуации конфликта или риска, когда повышается возможность проявления контингентных событий и факторов взаимодействия. Управление доверием возможно на основе сотрудничества, а не простого договора о взаимных обязательствах. Именно оно значимо для раскрытия потенциала возможных действий.

В современных исследованиях [Bennett, Segerberg 2012; Caraway 2016] была предложена новая концепция системы развития коммуникаций в социальных сетях — логика связанного действия, построенная на приоритете индивидуализированных отношений. Развита в различных исследованиях сетевого поведения, логика связанного действия в целом характеризуется рядом черт, говорящих о стратегии поведения пользователей социальных сетей. Так, индивид строит свои взаимоотношения в сетях на основе персонализированного контента, используя биографический подход к предложению и оценке сетевой информации. При этом коммуникационное действие становится самомотивирующим актом на основе признания равенства и значимости разнообразия и различия в сетевых контекстах.

Совместное коммуникационное производство и обмен происходят на основе персонализированного выражения, могущего принимать формы трансдуктивного перехода между речевыми, образными, звуковыми и другими модулями передачи информации. Важно заметить, что принятие публичных мер или вклад в общее благо становятся актом личного выражения и признания или самоутверждения.

Технологические сети персонализированной коммуникации включают в себя больше, чем просто обмен информацией или сообщениями; они сами по себе становятся организационными структурами, осуществляющими управление и стимулирование коммуникационным действием: коммуникационное действие становится самонаправляющим. Мануэль Кастельс, характеризуя виртуальные сообщества, писал, что они представляют собой интерактивные коммуникации вокруг совместных интересов и целей, но иногда коммуникация становится целью самой по себе [Castells 2010: 386]. Конечно, если самонаправляемое коммуникационное действие в начале сетевого развития общества можно было отмечать в качестве случайного факта, то спустя десятилетия о нем можно говорить как об определенном способе жизни. Заметим также, что сами общественные блага могут получить новое теоретическое определение, поскольку в сетях так называемым безбилетникам (из прежней логики коллективного действия) легче становиться участниками политических сетей, которые стирают границы между публичным и частным. Действия в социальных сетях самоорганизуются в значительной степени без внешних центральных или «ведущих» организационных субъектов и их ресурсов.

Заключение

Таким образом, были рассмотрены свойства сетевой организации коммуникации в контексте трансверсальной политики коммуникационного взаимодействия. В цифровом сетевом контексте (или исходя из действия сетевой организации коммуникации) можно говорить об индивидуации человека в гибридной социотехнической среде или о процессах субъективации в гетерогенных сетевых ассамбляжах, что усложняет процессы формирования базовых ценностей и общегражданской идентичности. Индивидуация в процессе социализации в трансверсальных сетевых сообществах возникает на основе трансверсальных взаимодействий и убеждающей коммуникации за счет гибкой системы ролей и функциональной дифференциации.

Трансформация механизмов убеждающей коммуникации связана не только с подвижностью содержания коммуникационных сообщений (факторы морали, психики, логики и политической ситуации), но и активным использованием сложного сетевого дизайна коммуникации (вирулентность, диффузия, центральность, открытость, управляемость). В современных условиях, когда сетевое пространство активно используется человеком как источник информации и коммуникации, взаимодействие онлайн выступает мощным средством формирования политических ценностей и идентичностей, влияющих на политическое позиционирование и активность.

Важным свойством здесь выступает политика трансверсальности, т.е. стратегия взаимосогласования и пересечения социальных, культурных, поколенческих, территориальных и других различий. Для сообществ трансверсальное взаимодействие является самоценным, они действуют

в миноритарной логике и зачастую не стремятся выходить на широкую аудиторию. Отсюда и новые стратегии поведения пользователей социальных сетей, основанные на логике совместных действий: управление эффектами, предосторожность, управление доверием, самомотивация, стимулирование коммуникационным действием.

Поступила в редакцию / Received: 10.01.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 18.02.2025

Принята к публикации / Accepted: 19.02.2025

Библиографический список

- Алексеева Т.А., Верховская Ж.А. Конструктивизм «третьего поколения»: фрейминг и коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 4. С. 801–816. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-4-801-816> EDN: QKUFPR
- Михайленок О.М., Назаренко А.В. Сетевые сообщества: прошлое и будущее // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 274–284. <http://doi.org/10.17223/1998863X/56/24> EDN: OQJLGI
- Симондон Ж. Индивид и его физико-биологический генезис. Москва : ИОИ, 2022.
- Сморгунов Л.В. Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости // Политическая наука. 2021. № 3. С. 13–36. <http://doi.org/10.31249/poln/2021.03.01> EDN: KHMUCH
- Стукал Д.К., Ахременко А.С., Петров А.П. Аффективная политическая поляризация и язык ненависти: созданы друг для друга? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 480–498. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-480-498> EDN: JFKCLB
- Фуллер С. Постправда: знание как борьба за власть. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики. 2021.
- Agustín Ó.G., Bak J.M. On Transversal Solidarity: An Approach to Migration and Multi-Scalar Solidarities // *Critical Sociology*. 2021. Vol. 47, no. 6. P. 857–873. <http://doi.org/10.1177/0896920520980053> EDN: MZYDAA
- Bennett W.L., Segerberg A. The Logic of Connective Action // *Information, Communication & Society*. 2012. Vol. 15, no. 5. P. 739–768. <http://doi.org/10.1017/CBO9781139198752>.
- Bohman J. Expanding Dialogue: The Internet, the Public Sphere and Prospects for Transnational Democracy // *Sociological Review*. 2004. Vol. 52, no. 1. P. 131–155. <http://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2004.00477.x> EDN: FLMUXH
- Caraway B. OUR Walmart: a Case Study of Connective Action // *Information, Communication & Society*. 2016. Vol. 19, no. 7. P. 907–920. <http://doi.org/10.1080/1369118X.2015.1064464>.
- Castells M. The Rise of the Network Society. 2nd ed. Malden: Blackwell Publishing. 2010.
- Castoriadis C. The Imaginary Institution of Society / trans. by K. Blamey. Cambridge, Mass.: The MIT Press. 1998.
- Christensen P.V. Until Further Notice: Post-Modernity and Socio-territorial Belonging // *International Review of Sociology*. 2005. Vol. 15, no. 3. P. 553–554. <http://doi.org/10.1080/03906700500272566>.
- Eriksson K. On the Ontology of Networks // *Communication and Critical Cultural Studies*. 2005. Vol. 2, no. 4. P. 305–323. <http://doi.org/10.1080/14791420500332451>.

- Hall S.* The Politics of Belonging // *Identities: Global Studies in Culture and Power*. 2013. Vol. 20, no. 1. P. 46–53. <http://doi.org/10.1080/1070289X.2012.752371>.
- Jung Y.* Transversality and the Philosophical Politics of Multicultural-ism in the Age of Globalization // *Research in Phenomenology*. 2009. Vol. 39, no. 3. P. 416–437. <http://doi.org/10.1163/008555509X12472022364208>.
- Kanngieser A.* And ... and ... and ... The Transversal Politics of Performative Encounters // *Deleuze Studies*. 2012. Vol. 6, no. 2. P. 265–291. <http://doi.org/10.3366/dls.2012.0062>.
- Latour B.* Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory. NY: Oxford University Press. 2005. <http://doi.org/10.1093/oso/9780199256044.001.0001>.
- Semetsky I.* The Transversal Communication, or: Reconciling Science and Magic // *Cybernetics And Human Knowing*. 2008. Vol. 15, no. 2. P. 33–48.
- Yuval-Davis N.* Power, Intersectionality and the Politics of Belonging // *FREIA Working Paper Series*. 2011. No. 75. P. 1–22. <http://doi.org/10.5278/freia.58024502>.

Сведения об авторе:

Сморгунов Леонид Владимирович — доктор философских наук, главный научный сотрудник СИ РАН филиала ФНИСЦ РАН (e-mail: l.smorgunov@spbu.ru) (ORCID: 0000-0002-2581-2975)